

DOI 10.25587/SVFU.2017.4.8700
УДК 398.224 (=512.157)

О. Г. Сидоров

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

П. А. ОЙУНСКИЙ: ОЛОНХО КАК ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ НАРОДА САХА

Аннотация. В последнее десятилетие наблюдается рост интереса к изучению народных эпосов, в т. ч. и якутского героического эпоса Олонхо. Актуализируется сравнительное изучение олонхо с эпическим наследием других тюркских народов. Интерес представляет и изучение олонхо как способа и инструмента познания мира. Исследователи сходятся во мнении, что олонхо в древние времена выполнял функцию или вернее был источником познания не только мира, но и древней истории народа. Олонхо – стихотворное повествование, рассказывающее о происхождении, творении мироздания, к тому же так или иначе было связано с реальной жизнью людей, причем истинность описываемых событий не подлежала сомнению. Актуальность исследования выражается в том, что осмысление исторического опыта остается важнейшей задачей гуманитарных наук, в т. ч. и изучение всех доступных источников, включая памятники устного народного творчества, т. к. в эпосах мы находим свидетельства о быте и нравах, в них отражаются ценности народа и их взгляд на окружающий мир. Т. е. для каждого народа характерен свой определенный героический эпос, в них воспеваются народные герои и их подвиги. Целью данной статьи является анализ концепции П. А. Ойунского на древнюю историю народа, выявление взглядов П. А. Ойунского на место и роль олонхо, ставилась задача выявить примеры из олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», характеризующие и описывающие древнюю историю народа. «Нюргун Боотур Стремительный» оценивается исследователями как канонический текст якутского героического эпоса Олонхо. В т. ч. рассматривается версия, что П. А. Ойунский воспринимал олонхо как жанр художественной литературы или по терминологии М. М. Бахтина «древнюю литературу». П. А. Ойунский вводил новое определение жанра художественного текста, обозначив жанр своего первого крупного произведения «Красный шаман» как «олонхо-тойук». Далее таким же жанром обозначает и драматургическое произведение «Туйаарыма Куо». В подзаголовке прозаического произведения 1927 г. «Великий столетний план» он ставит – «оноһулан эрэр олонхо», что в переводе означает «Зарождающееся олонхо».

Ключевые слова: П. А. Ойунский, олонхо, мифы, предания, эпическое наследие, древняя литература, письменность, инструмент познания мира, быт и нравы, историзм, самоидентификация народа.

О. G. Sidorov

The Platon Oyunsky's concept of an ancient history of people

Abstract. In the last decade there was a surge in interest in the study of national epics, including the Yakut heroic epos of Olonkho. The interests lie in a comparative study of Olonkho with the epic heritage of other Turkic peoples, and a study of Olonkho as a method and instrument of perception of the world.

In ancient times the Olonkho served as a source of knowledge about the world and the ancient history of the people. The Olonkho is a poetic narrative that tells about the origin and the creation of the universe. The truth of the described events was beyond a doubt. This research is relevant, because the understanding of historical

СИДОРОВ Олег Гаврильевич – зав. каф. журналистики филологического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, действительный член Академии духовности Республики Саха (Якутия), Якутск, Россия.

E-mail: ilin_s@mail.ru

SIDOROV Oleg Gavrilievich – Head of the Department of Journalism, Philological Faculty, North-Eastern Federal University, active member of the Academy of Spirituality of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russia.

E-mail: ilin_s@mail.ru

experience remains an important objective of the humanities. It includes studying all of the available sources, such as monuments of folklore, as in epics we find evidences of welfare and customs; they reflect the values of the people and their worldview. That is, each people is characterized by a certain heroic epic, in which national heroes and their feats are sung.

The main purpose of this article is to analyse Plato Oyunsky's concept of the ancient history of people. The objective is to find examples in the "Nyurgun Bootur the Swift" Olonkho, which characterize and describe the ancient history of the people. The "Nyurgun Bootur the Swift" Olonkho is regarded by researchers as an initial text of the Yakut Olonkho heroic epic.

This article also discusses a theory that Plato Oyunsky perceived Olonkho as a literary genre or "an ancient literature" according to Mikhail Bakhtin's terminology.

Plato Oyunsky introduced a new definition of the literary genre. He denoted the genre of his first major work "The Red Shaman" and dramatic work "Tuyaarima Kuo" as "Olonkho-toyuk". In 1927 he puts "onohullan erer Olonkho" ("the arising Olonkho") as subtitle to the "Great Centenary Plan" prose work.

Keywords: Platon Oyunsky, Olonkho, myths, legends, epic heritage, ancient literature, writing, the instrument of perception of the world, welfare and customs, historicism, self-identification of the people.

Введение

Интерес к научному изучению героических эпосов, к которым справедливо относят и якутский эпос олонхо, начавшийся еще в XIX в., не угасал на протяжении всего XX в. С другой стороны, в последнее десятилетие наблюдается всплеск интереса к сравнительному изучению эпосов народов мира, в т. ч. и к олонхо. По мнению директора НИИ Олонхо СВФУ им. М. К. Аммосова В. Н. Иванова, «в настоящее время начинается новый этап сравнительного изучения олонхо, который обещает дать новые аргументы для научного решения вопросов эпического наследия не только самого якутского этноса, но и всех тюркских народов» [1, с. 22].

Общеизвестно, что в эпосах мы находим свидетельства о быте и нравах, в них отражаются ценности народа и их взгляд на окружающий мир. Т. е. для каждого народа характерен свой определенный героический эпос, в них воспеваются народные герои и их подвиги.

Исследователи рассматривают мифы и эпосы, в т. ч. как способ и инструмент познания мира. Интересную концепцию понимания эпоса высказывал М. М. Бахтин в своей статье «Эпос и роман», рассматривая как «древнюю литературу» и как «эпопею». Он оценивал: «Мир эпопеи – национальное прошлое, мир "начал" и "вершин" национальной истории, мир отцов и родоначальников, мир "первых" и "лучших"» [2, с. 401].

Схожее понимание эпоса олонхо мы находим в статье П. А. Ойунского «Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание», впервые опубликованной в 1927 г. в сборнике трудов научно-исследовательского общества «Саха кэскил». Отталкиваясь от утверждения П. А. Ойунского, что: «Значение "олонхо" неизмеримо. "Олонхо" определило мировоззрение древнего якута; оно же освещает нам и весь древний период жизни якута, его доисторию» [3, с. 194], олонхо следует рассматривать не только как просветительский инструмент, но и как инструмент познания мира. П. А. Ойунский подчеркивает ценность олонхо как источника информации о древней истории народа саха и рассматривает олонхо как историко-этнографический источник, как отражение представлений народа о социальных отношениях и т. д. Иными словами, в текстах олонхо, по мнению одного из первых его исследователей, сохранялась и из уст в уста передавалась информация не только о мировоззрении, но и устная история народа и представления об окружающем мире, о быте, обычаях, обрядах, веровании народа.

На историзм олонхо указывал и И. В. Пухов в статье к изданию олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» в переводе В. В. Державина в 1975 г.: «Одной из главных черт олонхо как жанра является его своеобразный историзм. Олонхо задумано, создано и подается как своеобразная история всего племени человеческого, в самом широком смысле этого слова – всего человеческого общества» [4, с. 375]. В. Н. Иванов в статье «Платон Алексеевич Ойунский: государственный деятель и мыслитель», характеризуя интерес Ойунского к прошлому народа, подчеркивает: «Он видел необходимость пробуждения исторического сознания, которое призвано укрепить этническую идентификацию народа, его культуру. События же XVII-XIX вв. помогали ему реконструировать классовое устройство общества, колониальное положение Якутской области в

составе Российской империи, ясный гнет и т. д. Ойунский считал, что по уровню и характеру материальной и духовной культуры якуты занимают свое достойное место в сообществе народов мира, что они, как все другие народы, имеют свою оригинальную историю» [5, с. 16].

Вышеупомянутой статьей об олонхо П. А. Ойунский в 1920-30-х гг. начал научное изучение якутского героического эпоса Олонхо, народного творчества в целом. В статье он подчеркивает древние корни олонхо и наличие древней письменности у якутов: «Первым повествователем “олонхо”, известным во всех “олонхо” является “Сээркээн Сэһэн” – “Прекрасный Повествователь”. Этот “Прекрасный Повествователь” был должностным лицом на среднем мире, наблюдавшим за правильным исполнением статей “Великого мира” или статей “Великого огневого суда”. Он был грамотным, происходил из “айыы аймаҕа”, т. е. из племени “Белого Престарелого Господина” и пользовался для писания орлиным пером; по другим версиям у него были каменные скрижали. Вторым грамотным лицом был “Уот Дьурантаайы” или “Уһун Дьурантаай”, т. е. “Огонь Джурантай”, “Длинный Джурантай”. Какова же была сама письменность, на это в “олонхо” нет никаких указаний. Нет также никаких прямых указаний об остатках какой бы то ни было письменности среди якутов на нынешней территории. Имеется только смутное предание о существовании среди якутов какой-то “берестяной ведомости” – “туос биэтэмэс”, вытесненной “зеленой ведомостью” – “күөх биэтэмэс”, т. е. вероятно русской письменностью. Возможно, что и “берестяные” ведомости были введены русскими. “Олонхо” должно было сложиться окончательно только с приходом *ураангхай*-якутов в страну холода и длинных зимних ночей. Шаманизм использовал полностью героический эпос; имена всех известных владык и героев из племен “Возвеличаемого Великого Господина” и “Бедового Сильного Старца” стали именами злого начала. Понятие “абааһы” должно быть отнесено к позднему периоду жизни якутов – к моменту эволюции культа» [3, с. 193]. Описание не только в олонхо, но и в текстах древних легенд и преданий, существовавшей письменности у древних якутов заслуживает пристального внимания современных исследователей.

Таким образом, изучение олонхо как инструмента познания мира и источника устной истории народа представляется нам не только заслуживающей внимания, но и актуальной проблематикой для эпосоведения и гуманитарных наук в целом.

Олонхо как инструмент познания мира и истории

Заметим, что П. А. Ойунский в 1920-30-е гг., когда начинал вплотную заниматься научным изучением олонхо, особый интерес проявлял к вопросу о происхождении якутов и древней, но сохранившейся к XX в., системе верований якутов. Этот интерес, на наш взгляд, был продиктован его восприятием олонхо как источника устной истории народа и религиозных взглядов якутов. Так, он рассматривал эти вопросы в работах «Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание» в 1927 г., «Происхождение якутов» в журнале «Чолбон» в 1928 г. В конце 1920-х гг. он обращается к вопросам религии. В 1928 г. публикует в журнале «Чолбон» статью «О происхождении шаманизма», а в 1930 г. отдельной брошюрой – «О происхождении религии» с уточняющим подзаголовком «Злой дух-бог, дух-божество (творец), удаганка-шаман». Эти работы были написаны на якутском языке и, судя по всему, предназначены для широкого круга читателей, т. е. ставились не только исследовательские задачи, но и просветительские, разъяснительные функции. В этих работах П. А. Ойунский излагал свою теорию о происхождении шаманизма и якутских верований.

В самом начале 1930-х гг. в творчестве Ойунского наступило, если можно так выразиться, время олонхо. Первым он в 1930 г. заканчивает «Туһаарыма Куо Светлолицую». Потом в 1930-1932 гг. настал черед главного олонхо народа саха – «Нюргун Боотур Стремительный», состоящего из свыше тридцати шести тысяч стихотворных строк, первая песнь которого вышла в печать в том же 1930 г., а вторая и третья песни – в 1931 г. отдельными книгами. В последней песни он укажет дату: «1932 г. 3.VII».

Работу над эпосом он задумал и начал еще раньше. Сохранилось его письмо от 31 марта 1926 г. историку Г. А. Попову: «Т. Попов! С осени 1925 г. по [настоящее] время я исключительно занят созданием якутской сказки, для чего мною использованы более десяти образцов народной литературы в выпусках Академии наук, собранных в Якутии академиком Э. К. Пекарским, а также сказки многих, сказанные “сказочниками” Якутского округа. Предварительный набросок

сказки получился порядочный, страниц – 416, а на белой, видимо, будет еще больше. При составлении этой сказки – все, что есть общего для всех якутских сказок, все...¹, оригинальное, своеобразное, все данные мною взяты. При создании этой сказки я наткнулся на многие данные, дотоле мне еще неизвестные. Самым крупным из них явилось открытие “борьбы всех сил мира”, т. е. борьбы всех начал за свои функции в мире. Это борьба называется: “*kien qalyan ot kыgыhyta*”, т. е. “Широкого неба огненная борьба”. После этой борьбы все силы, все начала – получили все свои определенные функции. Я в детстве на это никакого внимания не обращал. При составлении своей сказки я обратился за указаниями, материалами и советами к Петру Вонифатьевичу Слепцову, который собирал все эти сведения, и он подсказал о существовании в якутской сказке указанной огненной борьбы. Я пришел к выводу: началом всего мировоззрения якутов, их культа является именно эта “огненная борьба”, после чего началась жизнь на земле. После этой борьбы, по заключении “огненного мира”, идет уже территориальное, функциональное самоопределение всех начальных сил.

Обдумывая все эти вопросы, я пришел ко второму моему выводу – о “*bis ūha*” на небе, на земле и в нижнем мире. Последний мой вывод – более новый, но могущий быть подтвержденным данными об этой “огненной борьбе мировых сил”, после которой только получились эти “*bis ūha*”. Мой вывод более близок к истине, чем сделанные ранее выводы о “*bis ūha*” исследователями Якутии. Сообщая об этом, я просил бы посвятить одно заседание Совета или общества этому вопросу и собрать в дальнейшем материалы по данному вопросу: “правилен ли мой вывод?”. Поэтому воздержусь сообщить о “*bis ūha*” до заседания или собрания. Желательно было бы пригласить знатоков, если возможно, известных якутов-сказочников. Ваш Ойунский» [6, с. 332-333].

Труд П. А. Ойунского по «художественному оформлению народного творчества» завершился выполнением обещания, данного им в конце 1920-х гг. – созданием венца всего своего творческого пути – рождением олонхо «Нюргун Боотур Стремительный». Сегодня, по прошествии лет, «Нюргун Боотур Стремительный» воспринимается как символ самоидентификации народа саха – якутов.

Значение и роль художника во многом определяются его чуткостью к велениям эпохи. Новая власть совпала по времени своей культурной революции с сильнейшим процессом самоидентификации народа, с так называемым этническим ренессансом. Якутия, пережившая в своей истории бурные эпохи этнического ренессанса, выразившегося в культурном развитии и поисках своего «я», активно воспользовалась национально-культурной политикой первых лет советской власти. Этнический ренессанс стал его ярким выражением, и уже на закате этого процесса П. А. Ойунский создает символ этого – олонхо «Нюргун Боотур Стремительный». Государственность должна была подкрепляться духовной основой, и этой основой стало олонхо.

В олонхо мы находим ответы на многие вопросы, касающиеся веры, воспитания, нравственности и морали. П. А. Ойунский удивительно точно угадал потребности народа и создаваемых основ государственности Якутии в составе советской страны, а также времени отрицания православной религии и воинственного атеизма. Олонхо – это источник веры и нравственности. Он сам, носитель, исполнитель, сочинитель, как профессиональный писатель, собрал (а вернее сказать, создал) текст олонхо «Нюргун Боотур Стремительный». Совмещая научное осмысление и творческое воплощение олонхо, он сотворил классические каноны олонхо. Олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского исследователи относят к каноническим текстам.

И. В. Пухов: «“Нюргун Боотур Стремительный” – одно из лучших и наиболее популярных якутских олонхо. В своей записи П. А. Ойунский воспроизвел его с максимальной полнотой... Стих, вообще стиль, традиционные изобразительные средства, архаический язык, всю мифологию и образы П. А. Ойунский не изменил, передав в полном объеме так, как поется в народе» [4, с. 384].

В. Н. Иванов: «... это все-таки не “сводный текст”, а эпическое произведение, созданное Ойунским в соответствии с традиционными канонами якутских олонхосутов» [7, с. 6].

¹ Слово неразборчиво.

Тексты якутских олонхо отражают исторические реалии. Исследователи отмечают, что предки современных якутов были тесно связаны с историей развития тюркской эпической общности, что является итогом сравнительного изучения эпосов. Прежде всего, это работы якутских исследователей И. В. Пухова [8-10], Н. В. Емельянова [11-13], Д. Т. Бурцева [14], В. М. Никифорова [15, 16], Л. Л. Габышевой [17] и др. На Международной научной конференции «Эпосы народов мира: проблемы и перспективы сравнительного изучения», прошедшей в г. Якутск 18-19 июня 2015 г., в докладах сотрудников Научно-исследовательского института Олонхо СВФУ им. М. К. Аммосова М. Т. Гоголевой, А. Ф. Корякиной, Л. Н. Герасимовой, Р. Н. Анисимова, Ю. П. Борисова, В. В. Васильева [18] также были представлены итоги сравнительного изучения эпосов, что говорит об актуализации исследовательского процесса.

В. Н. Иванов связывает один из важнейших этапов в истории эпоса олонхо с распадом Восточного тюркского каганата в 745 г. и со временем, «когда предки современных якутов оказались отодвинутыми на север, к горно-таежной полосе Прибайкалья и верховьев р. Лена. Этот разлом судьбы, сопровождавшийся широкими перемещениями, военными столкновениями (уйгуры и кыргызы), быстро создающимися и распадающимися военными союзами, бурными проявлениями военной демократии, глубоко проник в общественное сознание и стал источником нового взлета эпического повествования, в котором герой очень рано приобрел черты богатыря-воина, а его деятельность – характер боевой героики» [1, с. 26].

И. В. Пухов, говоря об истоках олонхо, указывает на «очень древнее происхождение» и что «восходят еще к тем временам, когда предки якутов жили на своей прежней родине и тесно общались с древними предками тюрко-монгольских народов Алтая и Саян» [4, с. 366]. Поэтому уместно говорить не только об общности сюжетов, об общем в построении стиха эпосов этих народов и олонхо, но и в характере изобразительных средств. В языке олонхо сохранились такие слова, как *хан*, *мерген*, *боотур*, *куо* и др. И. В. Пухов объясняет понятие «ётюгэн (ётюгэт) тёрдө», как «место, где обитают подземные чудовища (синоним ада), куда они уводят своих пленников из человеческого племени и мучают их. Между тем, *otukan* (или *utukan*) у древних тюрков – название горной страны в нынешней Северной Монголии. Ясно, что понятия “алып” и “ётюгэн” вошли в олонхо как отзвуки былых схваток с древними тюрко-монгольскими народами» [4, с. 367]. Т. е. отдельные эпизоды олонхо можно расценить как прямое свидетельство исторических событий древности.

В тексте олонхо П. А. Ойунского мы находим ответы на многие вопросы, касающиеся веры, воспитания, нравственности и морали. Автор, являющийся носителем, исполнителем, сочинителем и профессиональным писателем, с первых строк олонхо заявляет, что это рассказ про «далекие времена», про то, как «три мира заселены были». Он, таким образом, дает определение олонхо и, далее указывая имена олонхосутов, которым он «в лад», подчеркивает, что он продолжатель традиции. В этом смысле его олонхо продолжает эпическую стихотворную традицию, заложенную его предшественниками, т. е. это своего рода литературная традиция, каким понимается «преемственная связь, объединяющая ряд последовательных литературных явлений» [19], и в олонхо поднимаются вечные проблемы о сотворении мира и «как возник народ уранхай-саха».

Вот этот текст из олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» в переводе В. В. Державина (подчеркивания мои – О. С.):

Коль стану я вспоминать,
Как старый олонхосут,
Ногу на ногу положив,
Начинал запев олонхо
На ночлеге – у камелька,
Продолжал рассказ до зари
Про далекие времена,
Как размножились под землей,
Разъярясь на человеческий род,
Адьарай-абаасы,
Как возник народ уранхай-саха,

Как три мира были заселены...
Коль стану я в лад ему –
Сказителю седому тому,
Как эмисский прославленный Тюмэппий,
По прозванию «Чээбий»,
Стройно сплетать
Словесный узор;
Стану ли стих слагать,
Старому Куохайаану подстать, –
То скороговоркой,
То нараспев –
Так начну я сказанье свое [20, с. 12].

Очень интересное замечание по поводу языка и отражения в нем представлений якутов о мироздании сделал известный исследователь Б. П. Шишло: «Я хочу говорить об этой специфической силе якутского Слова, пытаюсь внести мой скромный вклад в понимание сути якутской поэзии. Для этого я хочу прежде всего обратить внимание на несколько специфических якутских выражений, найденных в конце XIX в. известным лингвистом Пекарским. Например, “сангарбыта – сата былгыт буолла”, что можно приблизительно перевести как “речь его стала как грозное облако Сата”, или “сангатын сататын”, что переводится “каков яд (буквально Сата) его речи”, или еще “Аба-Сата”, буквально “большая Сата”, что Пекарский переводит как “сарказм, яд речи”. Эти выражения трудно перевести и понять. И, чтобы раскрыть их глубокий смысл, необходимо уловить суть слова “Сата”, которое является семантическим ключом к этим вербальным формулам» [21, с. 38].

Затем Б. П. Шишло пишет о том, что для раскрытия тайны этого слова надо обратиться к олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный». В олонхо автор, по выражению Б. П. Шишло, «реконструирует во всех деталях то, что можно назвать мифическим реализмом прародины якутов». Он описывает сотворение мира, когда в глубине долины преобразующегося хаоса находится пылающий красным цветом волшебный камень Сата. Обладатели этого камня имеют власть над миром, они всемогущи, могут менять не только погоду, но и порядок вещей в природе. Б. П. Шишло приходит к выводу, что этот магический камень роднит якутское олонхо с другими тюрко-монгольскими эпосами.

Талант П. А. Ойунского был сродни этому камню Сата, и он бросил его в жизненный водоворот, словно богатырь из олонхо, чтобы изменить свою родину, повернуть в лучшую сторону жизнь простого народа.

Осьмикрайняя, на восьми ободах,
На шести незыблемых обручах,
Убранная в роскошный наряд,
Обильная щедростью золотой,
Гладкоширокая, в ярком цвету,
С восходяще-пляшущим солнцем своим,
Взлетающим над землей;
С деревьями, роняющими листву,
Падающими, умирая;
С шумом убегающих вод,
Убывающих, высыхая;
Расточающимся изобильем полна,
Возрождающимся изобильем полна,
Буями обуянная –
Зародилась она,
Появилась она –
В незапамятные времена –
Изначальная Мать-Земля... [20, с. 11-12].

Что касается версии, воспринимал ли Ойунский олонхо как жанр художественной литературы или, по терминологии Бахтина, «древнюю литературу», мы можем судить по двум

таким моментам. Во-первых, мы должны принять во внимание тот факт, что по предложению П. А. Ойунского в 1930-х гг. были приняты в члены Союза писателей СССР олонхосуты, тем самым дав совершенно другой смысл и статус народным мастерам – исполнителям олонхо, приравняв их к профессиональным писателям. В Союз писателей были приняты народные певцы и импровизаторы Н. А. Абрамов – Кынат, И. И. Бурнашев – Тонг Суорун, Д. М. Говоров, С. А. Зверев – Кыыл Уола, Е. Е. Иванова, Н. И. Степанов – Ноорой, М. Т. Шараборин – Кумаарап, П. П. Ядрихинский – Бэджээлэ и др. [22, с. 49]. Таким образом, этим решением олонхосуты стали писателями, а писатель Ойунский сам стал олонхосутом. Это было знаковое решение для всей якутской культуры, искусства и литературы.

Второе, П. А. Ойунский ввел новое определение жанра художественного текста, обозначив жанр своего первого крупного произведения «Красный шаман» как «олонхо-тойук». Далее таким же жанром обозначает и драматургическое произведение «Туйаарыма Куо». В подзаголовке прозаического произведения 1927 г. «Великий столетний план» он ставит – «оноһуоллан эрэр олонхо», что в переводе означает «Зарождающееся олонхо». К сожалению, репрессивная сталинская машина не дала ему развить свою позицию, оригинальное видение якутской литературной традиции и на «древнюю литературу» и завершить выстраивание своей жанровой системы якутской художественной литературы.

П. А. Ойунским была проделана титаническая работа по созданию канонического варианта олонхо. Олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» в 1968-1971 гг. было переведено на русский язык известным поэтом, переводчиком эпосов народов мира В. В. Державиным и опубликовано отдельной книгой в 1975 г. Переиздан в 1982 г. Фрагменты были опубликованы: зачин и эпизод заселения людьми Среднего мира в газете «Литературная Россия» в номере от 2 августа 1974 г., а также в 13 томе первой серии «Библиотеки всемирной литературы» («Героический эпос народов СССР», Т. 1. М., 1975). В сентябре 1975 г. «Нюргун Боотур Стремительный» Якутского книжного издательства получил специальный диплом международной книжной выставки в Москве.

Многие исследователи-эпосоведы познакомились с олонхо именно через прочтение русского перевода произведения П. А. Ойунского. Олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» лег в основу материалов, представленных на рассмотрение комиссии ЮНЕСКО по признанию эпоса мировым Шедевром Нематериального Наследия Человечества в 2005 г.

Заключение

Олонхо в древние времена выполняло функцию или вернее было инструментом познания мира и истории, в нем отображались приемлемые объяснения многих явлений природы. Олонхо – стихотворное повествование, рассказывающее о происхождении, творении мироздания, к тому же так или иначе было связано с реальной жизнью людей, причем истинность описываемых событий не подлежала сомнению. Якуты, считавшиеся до прихода русских казаков и открытия первых школ, неграмотным народом, практически с детства знали олонхо, его посредством познавали мир, а олонхосуты знали наизусть огромные по размеру тексты олонхо (в среднем более 20 тысяч строк). Рассмотренное нами в данной статье олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского – не только прообраз будущего, но и воспоминание о «золотом веке» народа в составе тюркского, азиатского мира. Исследователи сходятся во мнении, что олонхо в древние времена выполняло функцию или вернее было источником познания не только мира, но и находим в сюжетах олонхо свидетельства о древней истории народа. В сюжетах олонхо переплетены всевозможные ранние элементы философии, религии и искусства, заключены ответы на многие вопросы, касающиеся веры, воспитания, нравственности и морали.

В 1920-30-х гг., инициируя изучение эпоса олонхо и воссоздавая в своем творчестве, П. А. Ойунский удивительно точно угадал потребности народа в духовных исканиях и создаваемых основ государственности Якутии в составе советской страны, выстроил концепцию на древнюю историю народа. Олонхо воспринимался как источник веры и нравственности во времена отрицания православной и других религий, в годы воинственного атеизма, в сложное время становления новой власти. Воспринимая олонхо как близкую к художественной литературе форму образного повествования, П. А. Ойунский инициировал принятие в Союз писателей олонхосутов – исполнителей олонхо, тем самым придав профессионализм их творчеству.

В дальнейшем, на наш взгляд, было бы актуальным более детальное изучение сюжетов олонхо, описывающих события из жизни героев, и их сопоставление с историческими хрониками и свидетельствами. Интерес также представляет дальнейшее сравнительное изучение якутского героического эпоса Олонхо с эпосами не только других тюркских, но и сопредельных народов, как способа и инструмента познания мира.

Литература

1. Иванов В. Н. Якутский героический эпос Олонхо в контексте сравнительного изучения // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2016. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://epossvfu.ru/wp-content/uploads/2016/05/Иванов-ВН.pdf> (дата обращения: 23.10.2017). – С. 22-29.
2. Бахтин М. М. Эпос и роман // Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 392-427.
3. Ойунский П. А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание // Сочинения. Т. 7. – Якутск: Кн. изд-во, 1962. – С. 128-194.
4. Пухов И. В. Олонхо – древний эпос якутов // Ойунский П. А. Якутский героический эпос олонхо «Нюргун Боотур Стремительный». – М.: ИПЦ «ДИК», 2007. – С. 366-389.
5. Иванов В. Н. Платон Алексеевич Ойунский: государственный деятель и мыслитель // П. А. Ойунский: Взгляд через годы. – Новосибирск: НИЦ ОИГГМ, 1998. – С. 5-19.
6. № 206 Письмо П. А. Ойунского Г. А. Попову о своей работе над созданием якутской сказки // Платон Алексеевич Ойунский. Жизнь и деятельность: сборник архивных документов. – Якутск: Бичик, 2015. – С. 332-333.
7. Иванов В. Н. Главный эпос якутов // Ойунский П. А. Якутский героический эпос олонхо «Нюргун Боотур Стремительный». – М.: ИПЦ «ДИК», 2007. – С. 6-7.
8. Иванов В. Н. И. В. Пухов: сравнительно-историческое изучение эпосов тюрко-монгольских народов // Сравнительное изучение тюрко-монгольских эпосов. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию И. В. Пухова (г. Якутск, 11-12 сентября 2014 г.). – Якутск, 2015. – С. 6-13.
9. Пухов И. В. Враги героя в Олонхо и в «Алпамыше» // Материалы по обсуждению эпоса «Алпамыш». – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1959. – С. 203-215.
10. Пухов И. В. Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо. – Якутск: Изд-во СО РАН. Якутский филиал, 2004. – 326 с.
11. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. – М.: Наука, 1980. – 375 с.
12. Емельянов Н. В. Сюжеты ранних типов олонхо. – М.: Наука, 1983. – 245 с.
13. Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. – М.: Наука, 1990. – 206 с.
14. Бурцев Д. Т. Якутский эпос олонхо, как жанр. – Новосибирск: Наука, 1998. – 85 с.
15. Никифоров В. М. Стадии эпических коллизий в олонхо. Формы фольклорной и книжной трансформаций. – Новосибирск: Наука, 2002. – 208 с.
16. Никифоров В. М. От архаического олонхо к раннефеодальному эпосу. История фиксаций и специфика интерпретаций. – Новосибирск: Наука, 2010. – 136 с.
17. Габышева Л. Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. – Новосибирск: Наука, 2009. – 140 с.
18. Эпосы народов мира: проблемы и перспективы сравнительного изучения: сб. тезисов по материалам Международной научной конференции (г. Якутск, 18-19 июня 2015 г.). – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2015. – 147 с.
19. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2-х т. – М.-Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925 [Электронный ресурс] URL: <http://enc-dic.com/lit/Tradicija-530/> (дата обращения: 07.05.2017).
20. Ойунский П. А. Якутский героический эпос олонхо «Нюргун Боотур Стремительный». – М.: ИПЦ «ДИК», 2007. – 400 с.
21. Шишло Б. П. О силе якутского слова (доклад на научно-практической конференции в Париже 6 декабря 1993 г.) // Ойунская С. П. Светлое имя отца: поэмы, эссе, статьи, воспоминания. – Якутск: Бичик, 1999. – С. 37-41.
22. Союз писателей Якутии. – Якутск: Бичик, 2009. – 160 с.

References

1. Ivanov V. N. Jakutskij geroicheskiy jepos Olonkho v kontekste sravnitel'nogo izuchenija [Yakut heroic epic Olonkho in the context of comparative study]. In: Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Seriya Jeposovedenie [Vestnik of NEFU: Series Epic studies]. 2016. № 1 [Web resource]. URL: <http://epossvfu.ru/wp-content/uploads/2016/05/Ivanov-VN.pdf> (accessed October 23, 2017), pp. 22-29.
2. Bahtin M. M. Jepos i roman [The epic and novel]. In: Literaturno-kriticheskie stat'i [Literary-critical articles]. Moscow, Hudozh. lit., 1986, pp. 392-427.
3. Ojunskij P. A. Jakutskaja skazka (olonkho), ee sjuzhet i sodержanie [Yakut fairy tale (olonkho), its plot and content]. In: Sochinenija. T. 7. [Compositions. Vol. 7]. Yakutsk, Kn. izd-vo, 1962, pp. 128-194.
4. Puhov I. V. Olonkho – drevnij jepos jakutov [Olonkho is an ancient epic of the Yakuts]. In: Ojunskij P. A. Jakutskij geroicheskiy jepos olonkho “N’urgun Bootur Stremitel’nyj” [Yakut heroic epic Olonkho “Nurgun Bootur the Swift”]. Moscow, IPC “DIK”, 2007, pp. 366-389.
5. Ivanov V. N. Platon Alekseevich Ojunskij: gosudarstvennyj dejatel' i myslitel' [Platon Alexeevich Oyunsky: statesman and thinker]. In: P. A. Ojunskij: Vzgljad cherez gody [P. A. Oyunsky: A look through the years]. Novosibirsk, NIC OIGGM, 1998, pp. 5-19.
6. № 206 Pis'mo P. A. Ojunsogo G. A. Popovu o svoej rabote nad sozdaniem jakutskoj skazki [No. 206 Letter from P. A. Oyunsky to G. A. Popov on his work on the creation of the Yakut fairy tale]. In: Platon Alekseevich Ojunskij. Zhizn' i dejatel'nost': sbornik arhivnyh dokumentov [Platon Alekseevich Oyunsky. Life and work: a collection of archival documents]. Yakutsk, Bichik, 2015, pp. 332-333.
7. Ivanov V. N. Glavnyj jepos jakutov [The main epic of the Yakuts]. In: Ojunskij P. A. Jakutskij geroicheskiy jepos olonkho “N’urgun Bootur Stremitel’nyj” [Yakut heroic epic olonkho “Nurgun Bootur the Swift”]. Moscow, IPC “DIK”, 2007, pp. 6-7.
8. Ivanov V. N. I. V. Puhov: sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie jeposov tjurko-mongol'skih narodov [I. V. Pukhov: a comparative-historical study of the epics of the Turkic-Mongolian peoples]. In: Sravnitel'noe izuchenie tjurko-mongol'skih jeposov. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 110-letiju I. V. Puhova (g. Jakutsk, 11-12 sentjabrja 2014 g.) [Comparative study of the Turkic-Mongolian epics. Materials of All-Russian scientific conference dedicated to the 110th anniversary of I. V. Pukhov. Yakutsk, September 11-12, 2014]. Yakutsk, 2015, pp. 6-13.
9. Puhov I. V. Vragi geroja v Olonkho i v “Alpamysh” [Enemies of the hero in Olonkho and in the “Alpamysh”]. In: Materialy po obsuzhdeniju jeposa “Alpamysh” [Materials on the discussion of the epic “Alpamysh”]. Tashkent, Izd-vo AN Uzbekskoj SSR, 1959, pp. 203-215.
10. Puhov I. V. Geroicheskiy jepos altae-sajanskikh narodov i jakutskie olonkho [The heroic epic of the Altai-Sayan peoples and the Yakut olonkho]. Yakutsk, Izd-vo SO RAN. Jakutskij filial, 2004, 326 p.
11. Emel'janov N. V. Sjuzhety jakutskikh olonkho [Plots of Yakut olonkhos]. Moscow, Nauka, 1980, 375 p.
12. Emel'janov N. V. Sjuzhety rannih tipov olonkho [Plots of early types of olonkho]. Moscow, Nauka, 1983, 245 p.
13. Emel'janov N. V. Sjuzhety olonkho o rodonachal'nikah plemeni [Plots of olonkho about the ancestors of the tribe]. Moscow, Nauka, 1990, 206 p.
14. Burcev D. T. Jakutskij jepos olonkho, kak zhanr [Yakut heroic epic as genre]. Novosibirsk, Nauka, 1998, 85 p.
15. Nikiforov V. M. Stadii jepicheskikh kollizij v olonkho. Formy fol'klornoj i knizhnoj transformacij [Stages of epic collisions in olonkho. Forms of folklore and book transformations]. Novosibirsk, Nauka, 2002, 208 p.
16. Nikiforov V. M. Ot arhaicheskogo olonkho k rannefeodal'nomu jeposu. Istorija fiksacij i specifika interpretacij [From the archaic olonkho to the early feudal epic. The history of fixations and the specifics of interpretations]. Novosibirsk, Nauka, 2010, 136 p.
17. Gabysheva L. L. Fol'klornyj tekst: semioticheskie mehanizmy ustnoj pamjati [Folklore text: semiotic mechanisms of oral memory]. Novosibirsk, Nauka, 2009, 140 p.
18. Jeposy narodov mira: problemy i perspektivy sravnitel'nogo izuchenija. Sb. tezisev po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Jakutsk, 18-19 ijunya 2015 g.) [Epics of the peoples of the world: Problems and Prospects for Comparative Study. Collection of abstracts on the materials of International scientific conference (Yakutsk, June 18-19, 2015)]. Yakutsk, Izdatel'skij dom SVFU, 2015, 147 p.

19. Literaturnaja jenciklopedija: Slovar' literaturnyh terminov: v 2-h t. [Literary encyclopedia: Dictionary of literary terms: In 2 vol.]. Moscow-Leningrad, Izd-vo L. D. Frenkel', 1925 [Web resource]. URL: <http://enc-dic.com/lit/Tradicija-530/> (accessed May 1, 2017).

20. Ojunksij P. A. Jakutskij geroicheskij jepos olonho "N'urgun Bootur Stremitel'nyj" [Yakut heroic epic olonkho "Nurgun Bootur the Swift"]. Moscow, IPC "DIK", 2007, 400 p.

21. Shishlo B. P. O sile jakutskogo slova (doklad na nauchno-prakticheskoy konferencii v Parizhe 6 dekabnja 1993 g.) [About Strength of the Yakut Word (report at the Scientific and Practical Conference in Paris on December 6, 1993)]. In: Ojunskaia S. P. Svetloe imja otca: Pojemy, jesse, stat'i, vospominanija [Oyunskaia S. P. The father's bright name: poems, essays, articles, memoirs]. Yakutsk, Bichik, 1999, pp. 37-41.

22. Sojuz pisatelej Jakutii [The union of writers of Yakutia]. Yakutsk, Bichik, 2009, 160 p.

